1945-й

Монолог о Победе

Олесь ГОНЧАР

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

КАК-ТО весной, именно в день 9 мая, вместе с Федором Трофимовичем Моргуном, первым секретарем Полтавского обкома партии, нашим известным писателем, очутились мы в моем родном селе. Был ясный солнечный день, всюду цвели вишневые сады, царила теплая майская тишина. При въезде в село у края дороги на кучах щебня (дорогу расширяют и как раз покрывают щебенкой) сидели рядышком пожилые опрятные женщины в платках, были они будто скорбные уставшие птицы, севшие передохнуть. Все вдовы и вдовы! Узнаю одну из них — она получила известие о гибели мужа как раз 9 мая 1945-го, нашла похоронка ее прямо на сельской площади, где люди в тот день собрались на праздничный митинг. У других, сидящих здесь, знаю, дома тоже хранятся в разное время полученные похоронки, или, как их еще называют, «черные письма». Слезы давно выплаканы, и женщины, сидящие на камнях, уже не плачут, не жалуются на свою вдовью судьбу, глаза их, полные тоски и какого-то вечного ожидания, смотрят на затянутую солнечной дымкой дорогу, уходящую далеко за холмы. По этой дороге ушли из села их мужья и братья, а позже и сыновья. Почти из каждого двора кого-нибудь провожали, вернулись же домой — единицы. Можно представить, сколько дум навевает женщинам этот наш сельский шлях. Не счесть их, великих и малых дорог страны, по которым советские люди уходили защищать Родину, и все они соединяются в душе в одну общую — многотрудную дорогу Победы.

Известно, сколько мужества и героизма было проявлено в годы борьбы с врагом, однако при слове «война» чаще всего перед глазами предстают картины народных страданий. Победа выстрадана, явилась она из горя, достигнута ценой бесчисленных жертв — об этом следует всегда помнить нам, живущим, помнить и людям старшим, и подрастающей молодежи, черпающей сведения о прошлом чаще всего из книг да кинофильмов. Понятно, сколь велика здесь ответственность литературы и искусства, сколь непростительным было бы поверхностное отношение к святому делу, к изображению народного подвига. На Украине есть целые вдовьи села, то есть такие, где после войны остались на пепелищах почти одни только женщины и дети, а жизнь ведь продолжалась, и страну надо было кормить, и детей вырастить, — подвиг свершался каждодневный, привычный, естественный, как движение солнца. И разве не справедливо будет приравнять к усилиям фронтовым постоянные изнурительные усилия великих наших тружениц — женщин страны, которые, напрягаясь всеми жилами, вели хозяйство, выхаживали раненых, становились донорами, вручную тянули плуги, вспахивая свои тяжкие послевоенные поля?!

Победа наша явилась результатом поистине всенародного подвига, где напряжение фронта и тыла слилось воедино, — об этом уже сказала свое слово советская многонациональная литература, хотя, видимо, немало ей предстоит еще сказать, еще могут в новых чьих-то произведениях открыться неожиданные грани событий Великой Отечественной.

20 миллионов погибших, пропавших без вести — это число никогда не станет для нас числом абстрактным, в нем всегда мы будем ощущать 20 миллионов реальных человеческих жизней, безвременно оборвавшихся, являющихся для своих близких, родных и друзей вечной утратой. Фронты, атаки, штурмы, фашистские концлагеря, сколько забрали они наших братьев, среди которых были, может, высокоталантливые поэты, зодчие, мыслители, так и не успевшие проявить себя на поприще жизни, раскрыться в труде созидательном, — о дарованиях погибших мы порой можем лишь догадываться по случайно сохранившимся отрывкам их дневников, по отдельным стихотворным строчкам:

Якщо вмрем — на могилах у нас
Виростуть прапори і багнети.

Эти строки принадлежат В. Булаенко, украинскому юноше, павшему в боях в первые месяцы войны. В свое время Союз писателей Украины принял в свои ряды — посмертно — целую плеяду молодых поэтов, погибших на фронтах. Сегодня они могли бы трудиться рядом с нами, народ мог бы читать их книги, вместо этого читаем лишь их имена, золотом высеченные на мраморе.

Смерть человека, тем более преждевременная, всегда потрясает, к этому никогда невозможно привыкнуть, а что уж говорить, если видишь мученическую гибель своих товарищей, гибель жизни юной, цветущей, полной надежд...

В самом начале войны в Харькове формировались батальоны студентов-добровольцев, так называемые студбаты, в одном из них вместе с моими университетскими товарищами суждено было и мне проходить боевое крещение под Белой Церковью, на реке Рось, где образовалась линия обороны Киева. Рядом со мной были в те дни, как мне иногда кажется, самые лучшие люди на свете. Будто по-новому узнавал их, верных товарищей, веселых, заботливых, добрых, с которыми в течение трех лет находился в студенческих аудиториях; еще вчера мы вместе читали любимые стихи, вели дискуссии, обсуждали новые книги, — и вот уже окопы, огненный рубеж испытаний...

Студенты харьковских вузов, мы очутились на передовой вместе с пограничниками, к которым пришли на пополнение, чтобы плечом к плечу с ними сражаться против захватчиков, надеясь гранатами да бутылками с горючей смесью преградить путь фашистским танкам, рвавшимся уже к нашему златоглавому Киеву. До конца дней запомнятся те наши первые бои, ужасные, ранящие душу потери, когда у тебя на глазах гибли однокурсники, твои друзья, обливаясь кровью, падали с моста в Рось, умирали от ран в прибрежных садах, уходя из жизни в самом расцвете среди роскошной природы шевченковского края. Многие раненые у моста искали спасения в реке, и эта светлая прозрачная Рось стала буквально красной от человеческой крови... День за днем пограничники и студенты, стоя насмерть, сдерживали здесь наступление фашистов. Целые эшелоны нас прибыли сюда, в живых же остались разве лишь те, кого в числе других раненых медсанбаты успели через переправы у Канева эвакуировать за Днепр. После выхода моей книги «Человек и оружие», в которой повествуется о судьбе харьковских студбатовцев, еще многие годы спустя к автору потоком шли письма от матерей, сестер погибших, все спрашивали, не встречался ли автору такой-то или такой, ведь им трудно было представить, сколько гибло безвестно на многокилометровых пылающих рубежах среди кошмаров боя, где было темно от горя и страданий, где торжествовал лишь дух человеческий, отвага и бесстрашие патриотов...

Среди немногих оставшихся в живых наших бывших студбатовцев — Дмитро Белоус, поэт и переводчик, с которым мы зимой 1942 года, оказывается, лежали в одном эвакогоспитале в Красноярске, в помещении школы на берегу Енисея, хотя лишь после войны узнали, что под одной крышей были тогда наши госпитальные палаты. Стал членом Союза писателей и наш университетский товарищ Данило Бакуменко, он был ранен в боях на Тарасовой горе у Канева, а после войны перевел на украинский язык прекрасные поэмы Егора Исаева и недавно написал книгу прозы под названием «Живых зову» о своих фронтовых товарищах.

Думаем в эти дни о своих близких, друзьях, соотечественниках, однако не только о них. Помня об истинных масштабах потерь нашего народа, мы не забываем и о том, что борьба была интернациональной, что рядом с советскими людьми под обелисками Европы лежат югославские партизаны и поляки, чехи и словаки, герои французского Сопротивления и солдаты союзнических армий...

Даже после того, как над Европой прозвучал последний выстрел второй мировой войны, последствия ее все еще сказываются, война все еще берет свои жертвы. Разве же не фронтовые испытания и невзгоды, ни с чем не сравнимые по своей жестокости окопные дни и ночи преждевременно унесли из жизни, из нашей литературы Константина Симонова и Андрея Малышко, Сергея Орлова и Василия Земляка и еще многих наших товарищей, вместе с народом познавших всю тяжесть трудностей и лишений в годы борьбы с врагом? До последнего вздоха, с осколком в груди трудился над своим романом «Водоворот» Григорий Тютюнник, фронтовые раны недавно свели в могилу талантливого нашего литературоведа Леонида Коваленко, одного из мужественных защитников Ленинграда, после войны много и честно потрудившегося в качестве исследователя международных интернациональных связей украинской литературы.

Еще в предвоенные годы советская многонациональная литература вместе с антифашистской литературой других стран немало сделала для того, чтобы духовно вооружить людей перед решительной схваткой с чудовищем гитлеризмом, с его человеконенавистнической идеологией. Люди моего поколения хорошо знают, какой действенной, поистине воодушевляющей силой была для нас в годы Великой Отечественной многоязычная литература народов страны. Наряду с гневным патриотическим словом Шолохова, Леонова, Эренбурга, Янки Купалы, Якуба Коласа, Гафура Гуляма, Самеда Вургуна, Мирзо Турсун-заде и многих других мастеров наших братских литератур страстно и убежденно звучало слово писателей Украины. Вся страна услышала могучие стихи Павла Тычины: «Я есть народ, якого правди сила ніким звойована ще не була!». Со словами Бажановой «Клятвы» на устах уходили на боевые рубежи отряды народного ополчения. К партизанам Украины обращались через эфир своей пламенной публицистикой Александр Довженко и Ярослав Галан, «Слово о родной матери» Максима Рыльского, фронтовые стихи Владимира Сосюры, Андрея Малышко, Леонида Первомайского в зимние вьюжные ночи не раз согревали солдатскую душу.

Вместе с народом наша литература достойно сражалась с врагом, была духовной опорой людям, несла им надежду — об этом сегодня, в год 40-летия Победы, мы вправе сказать с чувством законной гордости.

Перешагнув границы своей страны, неся избавление людям, томившимся под игом фашизма, советский воин все глубже осознавал свою освободительную миссию, все явственней убеждался в исторической значительности своих свершений. Никаким фальсификаторам не затмить того факта, что воин Страны Советов пришел на земли Европы именно в роли освободителя и никакой иной. Миллионы исстрадавшихся людей ждали его прихода. Для советского воина, воспитанного в духе интернационализма, по мере его продвижения на Запад естественным было испытывать по отношению к другим народам чувство растущего уважения. Жертвовать собой, чтобы спасти других, — это сплошь и рядом становилось долгом, поступком солдата, проявлением его совести, воинской чести, нравственным призванием.

Стоит на окраине Будапешта овеваемый дунайскими ветрами памятник капитану Остапенко, советскому парламентеру. Уроженец села Зализняк Сумского района, работавший в юности шахтером в Донбассе, изучавший вечерами три иностранных языка, коммунист Илья Афанасьевич Остапенко был уважаемым человеком в солдатском кругу, и, конечно же, он сознавал всю опасность и важность взятой на себя миссии, когда среди воцарившейся тишины, среди затаившихся войск отправлялся с пакетом во вражеский стан. Наступило великое безмолвие, ниоткуда не слышалось ни единого выстрела, казалось, благоразумие на этот раз восторжествует. Случилось, однако, худшее. Когда после вручения ультиматума, выполнив свой долг, парламентер уже возвращался к своим, шел к нейтральной полосе, он был убит внезапными выстрелами в спину, убит подло, злодейски, ведь личность парламентера считалась неприкосновенной во все времена. Для каждого венгра дорого имя этого человека. Ради того, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие, спасти жизнь населению осажденного города, уберечь от разрушений его уникальные культурные ценности, капитан Остапенко пожертвовал собой. Не будет преувеличением сказать, что в самом облике советского парламентера, мужественного и великодушного, для нас воплощены типичные черты характера советского воина-освободителя — таким он представляется и художникам братских стран.

Верится, что в благодарной памяти народов всегда будут жить образы тех, кто пытался уменьшить горе людей, кто не дал превратить в руины заминированный фашистами Краков, кто спасал Прагу, кто сделал все, чтобы извлечь из мрачных подземелий и возвратить человечеству бесценные сокровища Дрезденской галереи.

Чем ближе было к Победе, тем ожесточеннее становились бои с вражескими войсками. Воины 2-го Украинского знают, чего стоил нам весенний плацдарм за рекой Грон, где в туманах, в грязи, без авиации (погода не позволяла) пришлось нашим полкам в неравном бою принять на себя всю тяжесть ударов бронированных фашистских полчищ, тайком переброшенных с Западного фронта, из Арденн. На этом тяжком плацдарме в числе других немало погибло и тех, кто был особенно близок мне, наших минометчиков, людей, ставших со временем прообразами героев трилогии «Знаменосцы». Лишь мельком удавалось видеть, когда их, раненых, увозили на санях с плацдарма к уже находившейся под огнем переправе; годы и десятилетия прошли, а до сих пор вижу крупную слезу на щеке смертельно раненного товарища, вижу тот его последний взгляд, полный прощальной чистоты, слышу слова его, тоже последние, которые до сих пор живут во мне...

НЕСКОЛЬКО лет назад во время моего пребывания в Праге чешские друзья предложили в день праздничный поехать к месту, где прозвучал последний выстрел второй мировой войны. Был май, однако утро выдалось сумрачное, тучи висели низко, шел дождь. Мы ехали по отличным чешским дорогам примерно в той местности, где когда-то чехи встречали наши полки, шедшие стремительным маршем на помощь восставшей Праге, — мы ведь и весть о Победе встретили в движении, в походном строю. Первые минуты Победы, с чем их сравнить? Было такое чувство, что вот здесь, соскочив с разгоряченного коня, человек встречает свой звездный час — апофеоз своей жизни. Будто впервые открылись ему и травы, и деревья в нежнейшей зелени, и небо невиданной голубизны — все виделось в красе первозданной. Еще вчера суровые люди обнимались и плакали, каждому казалось, что отныне он будет жить вечно, и вечен отныне будет мир на земле, — последние выстрелы отзвучат, и планета их больше никогда не услышит!

О, золотые иллюзии того самого светлого в жизни утра, но кто же не поймет это состояние трижды измученной, измордованной, а теперь наконец-то вольно вздохнувшей солдатской души! Слишком долго мы жили наукой ненависти, теперь всей душой мы постигали гуманнейшую науку дружбы, позволявшую на расстоянии сердца приблизиться к тем, кого мы освобождали... Нам еще предстояли бои, но главное уже свершилось, и всюду, где мы проходили, двигаясь дальше, встречали нас цветы и улыбки, сияющие счастьем лица людей, — они называли нас братьями, и мы их называли братьями, сестрами... Пожалуй, были мы в тот день самыми человечными на свете людьми.

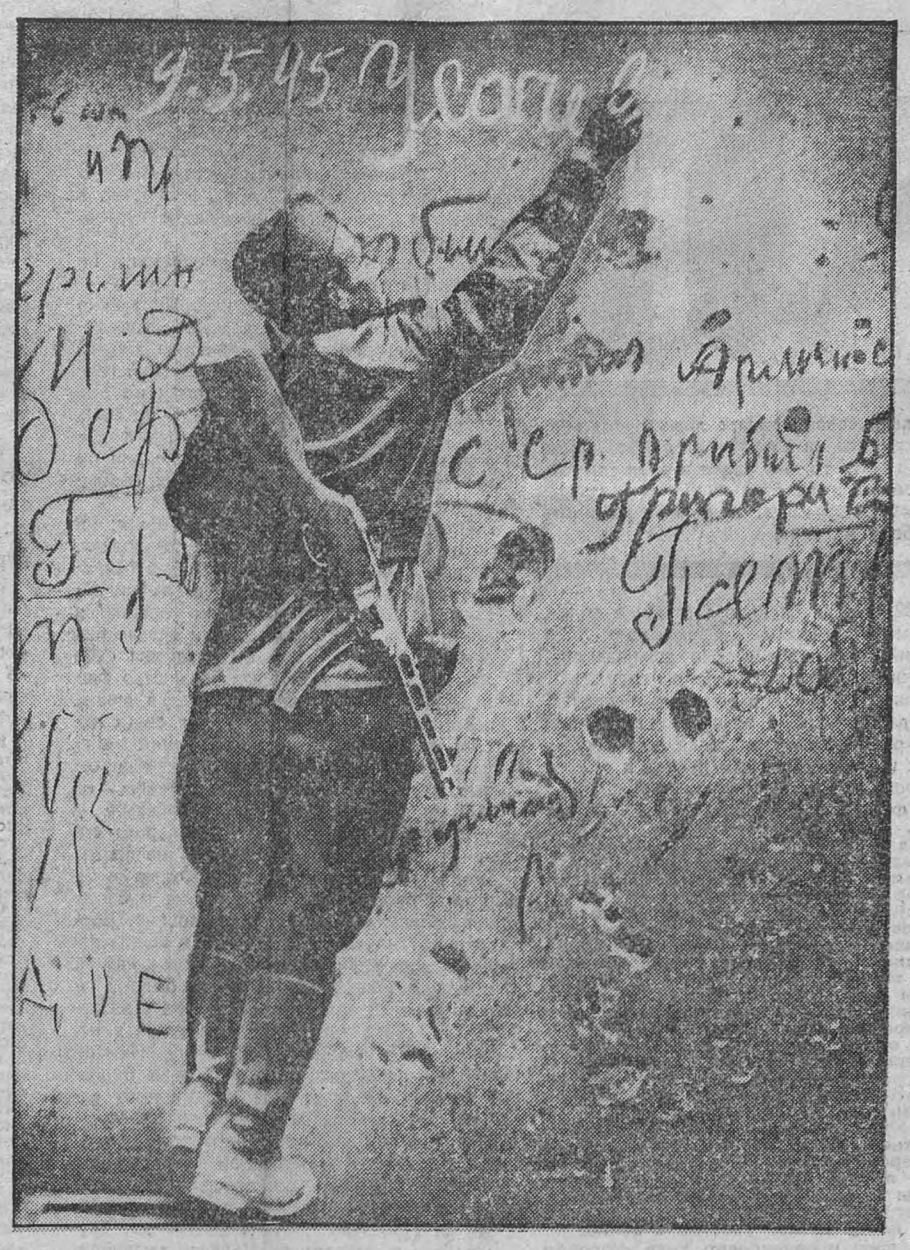
И вот спустя десятилетия приближаемся к тому памятному месту, где некогда прозвучал над Европой последний выстрел. Тучи все еще висят, дождь не прекращается, однако мы не оказались здесь одиноки. Рядом с внушительным монументом уже стоят ранее прибывшие сюда автобусы, они привезли чехословацких детей, у которых, оказывается, стало обычаем принимать здесь пионерскую клятву. Дети, насквозь промокшие, отбросив зонтики, выстроившись, терпеливо стояли под дождем в праздничных одеждах, с красными галстуками на груди. Удивительно чисты были их юные лица, ясны и задумчивы были их глаза. Что входило им в души, юным детям планеты, застывшим у сурового мрамора с высеченной надписью, гласящей, что последний выстрел самой кровавой из всех войн прозвучал именно здесь, среди этих тучных зеленых чешских полей?

Думалось и нам об этом месте, об этом символическом знаке с высеченным на нем словом «последний»... Увы, последний выстрел, к несчастью людей, не оказался на планете последним. Кровь и поныне льется во многих местах земного шара, и ядерные тревоги омрачают жизнь целых народов.

Молча смотрим на эту застывшую у мраморной плиты юную поросль человечества, видим перед собой тех, кому суждено будет жить на просторах третьего тысячелетия. Какими вы будете? Чем будете дорожить? Что возьмете в свои души из этих кровавых полей, из тяжких уроков человечества?

Как бы то ни было, пережитое не проходит бесследно. Великий трагический урок, разве не сказывается он уже в том, что в течение четырех десятилетий человечество успешно противостоит силам зла и милитаризма? Слышатся и сегодня зловещие речи о «звездных войнах», однако могучей реальностью наших дней является то, что воля народов к миру растет повсеместно, нарастает антиракетное движение, люди всех наций и рас, преодолевая разобщенность, идут к сплоченности, к чувству всеобщей, глобальной ответственности за судьбу человечества, и это вселяет надежду. Не только детям, но и нам, взрослым, в день великого праздника стоило бы присягнуть здесь на верность жизни, душой уверовать, что из далей грядущих лет придут волны новых поколений, может, более благоразумных, более совершенных, которые, однако, сохранят в чистоте память о тех, кто в грозные сороковые своим подвигом отстоял для них свет и надежду, отстоял само будущее.

КИЕВ



У стен рейхстага

Фото А. МОРОЗОВА